

15. Кожухов Ю.В. Крестьянская колонизация Восточной Сибири и переселенческая политика царизма в первой половине XIX в. // Научные доклады высшей школы. Серия исторических наук. М.: Высшая школа, 1958. № 3. С. 56.

16. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

УДК 9(571.1/.5) «19»

М.В. Шиловский

**Обсуждение вопроса
о правовом положении политических заключенных
Нерчинской каторги во властных структурах в 1907–1914 гг.**

Аннотация: Анализируются такие факторы обострения ситуации с политическими заключенными в тюрьмах Нерчинской каторги в 1907–1912 гг., как обращение к ним на «ты», а не на «вы»; формы приветствия их и использование команд «Встать! Смирно!». Их применение тюремная администрация оговаривала ссылками на военные уставы, поскольку каторжные работы исторически представляли разновидность военных практик. Противостояние усиливалось благодаря наличию в среде политических внепартийных объединений («коллективов»).

Ключевые слова: Нерчинская каторга, Главное Тюремное управление, политические заключенные, протестные акции, «коллектив», голодовка.

M.V. Shilovsky

**Discussion of a question of a legal status of political prisoners of the
Nerchinsk penal servitude in power structures in 1907–1914**

Summary: Such factors of an aggravation of a situation with political prisoners in prisons of the Nerchinsk penal servitude in 1907–1912 as the address to them on «you», but not on «you» are analyzed; their and their application the prison administration stipulated greeting forms references to military charters as a hard labor historically represented a kind of military the practician.

Opposition amplified thanks to existence in the environment of political nonparty associations («collectives»).

Keywords: Nerchinsk penal servitude, Head Prison department, political prisoners, protest actions, «collective», hunger strike.

В ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. во исполнение положений Манифеста 17 октября 1905 г., указом от 21 октября того же года политических заключенных амнистировали. Но с начала 1906 г. каторжные тюрьмы Нерчинского каторжного комплекса снова начали заполняться ими, составив в разное время от 10,5 % (1910) до 5 % (1915) от общего числа ссыльнокаторжан [13, с. 409]. Данное обстоятельство породило комплекс проблем, связанных с неэффективностью использования тяжелого принудительного труда, применением физических наказаний для нарушителей тюремного режима, архаичными практиками его поддержания (обращение к заключенному на «ты», а не на «вы», заковывание в ручные и ножные кандалы, обязанность вставать, снимать головной убор и по уставному приветствовать вошедших в камеру чиновников и т. д.). Они дополнялись изменением социального состава ссыльнокаторжан, среди которых стала преобладать малограмотная молодежь (21–30 лет), активные участники революции 1905–1907 гг. из числа рабочих, крестьян, военнослужащих срочной службы.

Еще одним фактором обострения ситуации с политическими на каторге в рассматриваемое время стало активное привлечение общественного мнения. Протестные акции в тюрьмах Нерчинской каторги имели широкий общественный, том числе международный, резонанс. О них сообщалось в газетах, они вызывали запросы депутатов в III и IV Государственных Думах. По инициативе германских социал-демократов в ноябре 1913 г. принимается Европейское воззвание в защиту русских политических заключенных и ссыльных, которое подписали несколько сот политиков и деятелей культуры (А. Бебель, Ж. Жорес, Г. Уэллс, А. Франс и др.). Российское тюремное ведомство публично пыталось оправдаться, в том числе публикацией в журнале «Тюремный вестник» (1910) обзора «Мнимые притеснения в русских тюрьмах». Эту же цель преследовала поездка начальника Главного тюремного управления (ГТУ) С.С.

Хрулева в том же году в Англию и США. В отчете о вояже высокопоставленный чиновник пытался опровергнуть ставшие известными факты произвола подчиненных и успокоить зарубежную общественность [7, с. 263–264].

Мощным провоцирующим конфликты фактором стало стремление властей ужесточить режимные требования, серьезно деформированные в сторону либерализации в отношении политических в 1880–1890-е гг. и в начале XX в. в результате их длительного противостояния с властями. Правовой статус заключенных после Первой русской революции определялся: «Уставом о ссыльных» в редакции 1909 г., «Уставом о содержащихся под стражей», «Общей тюремной инструкцией» (утверждена в 1915 г., но на практике применялась с 1 марта 1912 г.) и многочисленными циркулярами Главного тюремного управления, в частности, одним из них от 20 июля 1907 г. устанавливавшего (восстанавливавшего) практику совместного содержания на равных условиях политических и уголовников [10, с. 189, 190].

Начиная с 1907 г. власти начали реализацию комплекса мер, направленных на ужесточение режима каторги или по терминологии чиновников Главного тюремного управления к «упорядочению дела в тюрьмах Нерчинской каторги» и ликвидации «значительных беспорядков во всех частях управления», как-то «отступления от закона и инструкций в порядке содержания каторжных, осужденных за государственные преступления, выражавшиеся, между прочим, в том, что они содержались отдельно от общеуголовных, подчинялись иному распорядку дня, не назначались на хозяйственные по тюрьмам работы, проводили время в праздности за чтением нелегальной литературы и газет, носили собственное платье, белье и обувь, имели свою лавку, своих выборных старост и общую денежную кассу; чины тюремной администрации обращались к ним на «вы», а не на «ты», и проч., одним словом, каторжные последней категории занимали в тюрьмах каторги какое-то совершенно исключительное и привилегированное положение, не основанное ни на каких законоположениях и инструкциях» [9, л. 2–3].

«Упорядочение» свелось к заковке в кандалы, строгой проверке корреспонденции и ограничению переписки, равных ус-

ловиях содержания с уголовниками, задержках в переводе во внетюремный разряд, уменьшении пайка, применении телесных наказаний, ограничении возможностей для чтения и учебы. Исходную позицию в этом процессе обозначили результаты «общего обзора мест заключения Сибири и каторжных тюрем» инспектора Главного тюремного управления, статского советника П.К. Грана в 1906 г., который применительно к объекту исследования, «нашел полный беспорядок во всех отраслях управления каторгой». Что касается государственных преступников, то они, сосредоточенные преимущественно в Акатуевской тюрьме, «проводили время в полной праздности за чтением книг и газет, почти все носили собственное белье, платье и обувь, имели свою лавку и общую кассу» [2, л. 97 об., 98].

Промежуточные результаты в мае 1910 г. подвел атаман 3-го отдела Забайкальского казачьего войска, герой Русско-японской войны, генерал-майор П.Н. Путилов. В ходе инспекции Зерентуйской, Кутомарской, Алгачинской и Акатуевской тюрем, усмотрел, «что в Зерентуйской тюрьме, каторжные, осужденные за государственные преступления, на хозяйственные работы не назначались и администрация к ним при разговорах, в отличие от общеуголовных арестантов, обращалась на «вы»; режим в этой тюрьме был ослаблен до крайности, в особенности при начальнике тюрьмы Покровском...: при нем камеры днем не запирались, и арестанты свободно ходили из камеры в камеру; у каторжных, осужденных за государственные преступления, существовала коммуна, и деньги поступали в общую кассу; телесные наказания совершенно не применялись; для заведывания библиотекой политические каторжные из своей среды избирали особое лицо и т. п.» [2, л. 106].

Усиление режима было встречено массовым сопротивлением арестантов в марте 1907 г., ноябре 1910 г., январе 1911 г., августе – октябре 1912 г., в ходе которых покончили жизнь самоубийством Е.С. Созонов, И.Н. Маслов, С.Ш. Лейбазон, П.П. Рычков, В.Л. Васильев и С.П. Пухальский. В свою очередь, эсеровскими боевиками весной – летом 1907 г. были убиты начальники Нерчинской каторги Ю.И. Метус и Алгачинской тюрьмы И.Н. Бородулин, в августе 1911 г. ранен начальник Зерентуйской тюрьмы И.И. Высотский.

Протестные акции в самом общем виде анализировались современными исследователями [11, с. 66-82; 12, с. 146-158, 13, 407-434]. В настоящей публикации я попытаюсь рассмотреть некоторые аспекты статуса ссылнокаторжан, на которые высокопоставленные чиновники обратили внимание и попытались уточнить в ходе «разбора полетов» при анализе упомянутых выше протестных акций. В качестве основных источников использованы извлеченные из архивов доклад военного губернатора Забайкальской области генерал-майора Г.М. Косова иркутскому генерал-губернатору тайному советнику Л. М. Князеву о событиях в Зерентуйской каторжной тюрьме от 28 декабря 1910 г. и объяснение (справка) Главного тюремного управления по поводу запроса депутатов III Государственной думы министру юстиции И.Г. Щегловитову и министру внутренних дел Н.А. Маклакову об истязаниях политических заключенных в тюрьмах Нерчинской каторги, составленная не ранее 21 января 1913 г.

Прежде всего следует упомянуть об отношении властных структур Российской империи к реформированию каторги и ссылки. Еще 6 мая 1899 г., в рамках обсуждения вопроса об отмене ссылки в Сибирь, император Николай II предписал рассмотреть проблему «о переустройстве каторги и последующего за ней поселения». Законом от 12 июня 1900 г. предусматривалось прекращение судебной общеуголовной (на жительство и на поселение) ссылки в Сибирь, а о каторге забыли. Вспомнили в 1908 г. и соответствующее представление министра юстиции заслушали на заседании Совета Министров 8 декабря 1909 г. Министерству юстиции поручили подготовить соответствующий законопроект, работа над которым завершилась в начале 1911 г. После получения отзывов от МВД, Военного министерства, Государственного контроля, Министерства финансов, последовала новая доработка, и окончательный вариант законопроекта о преобразовании каторги внесли на рассмотрение Совета Министров 21 октября 1913 г. Впрочем, его так и не успели обсудить и принять до 1917 года.

Прежде всего чиновники тюремного ведомства констатировали: «Возникнув под влиянием высших интересов государства и, согласуясь в начале с его потребностями, ссылка в каторжные работы по нашему Уставу о ссылных давно уже от-

стала от исторического развития нашего отечества, а в особенности от культурного роста Сибири, где она, по мысли Устава сосредоточена. Потеряв, таким образом, связь с окружающей жизнью, одряхлевшая система наказания стала с общегосударственной точки зрения в некоторых своих проявлениях бесполезной, а в некоторых вредной» [8, л. 155].

Но чиновники не отвергли институт каторги вообще, предложив устранить из нее элемент ссылки и тогда она приобретает «вид наказания лишением свободы». Приговоренные к каторжным работам должны содержаться в особо устроенных тюрьмах и «подвергаться принудительно преимущественно тяжким работам», в том числе внешним [8, л. 155 об., 156]. Таким образом, каторгу как вид наказания предполагалось сохранить. Что касается сибирской администрации, то ее представители, критикуя отдельные стороны функционирования каторги в Азиатской России, не предлагали радикальных способов ее реформирования или ликвидации. Исключение составило предложение двух последних иркутских генерал-губернаторов в 1906–1916 гг. А.Н. Селиванова и Л.М. Князева о сосредоточении всех ссыльнокаторжан региона, по аналогии с Сахалином, на байкальском острове Ольхон.

Одной из главных причин протестных акций политических Нерчинского каторжного комплекса в 1907–1912 гг., по мнению руководящих и надзирающих инстанций, являлись многочисленные просчеты, ошибки, слабое знание и игнорирование должностных инструкций со стороны руководящего состава каторги. По убеждению генерала Г.М. Косова, назначенный начальником Зерентуйской тюрьмы «коллежский ассессор Высотский тот час по прибытии в область совершил ряд безтактностей, переходящих в проступки по службе: 1/ не явился [к] губернатору, когда проехал мимо Читы по железной дороге, 2/ прибыв в Горный Зерентуй не подал рапорта начальнику каторги о прибытии, 3/ следуют уже не безтактности, а проступки по службе: не взирая на указания его прямого начальника по каторге, при первом представлении ему, не прибегать к крутым мерам сразу, он этого указания умышленно не выполнил, что составляет серьезное нарушение тюремно-дисциплинарного порядка на каторге и 4/ более того, он позволил себе в ответ на письменное указание прямого начальника, дерзко ответить,

что закон ему дает права наказывать розгами, и он будет делать это, пока не получит указания от Главного Тюремного управления. Очевидно он, выказывая неповиновение, показал, что считает себя обязанным исполнять только распоряжения этого высшего учреждения и имеет право игнорировать непосредственное начальство – начальника каторги и губернатора» [3, л. 7–8].

Чиновники Главного тюремного управления ситуацию с руководящими кадрами обозначили более обтекаемо: «В то время как одни начальники прилагали все старания и принимали надлежащие зависящие от них меры к водворению во вверенных им тюрьмах законного порядка и дисциплины, установленных во всех временных каторжных тюрьмах Европейской России, другие, проявляя в этом отношении большую слабость и бездеятельность, уступали настойчивым и упорным домогательствам арестантов» [9, 18–19]. Касаясь квалификационного уровня тюремной администрации, М.Г. Бодяк предельно осторожно констатирует: «Профессиональные и личные качества начальников Зерентуйской тюрьмы и их помощников не всегда соответствовали необходимым требованиям. Немногие из них являлись кадровыми служащими тюремного ведомства. Довольно часто в документах каторги встречаются данные, характеризующие некоторых служащих администрации с негативной стороны, допускавших нарушения положенного законом порядка от простой недобросовестности до казнокрадства. Возможно, этим объясняется столь частый перевод начальников тюрьмы и их помощников на разные должности в пределах каторги» [1, с. 293–294].

В комплексе вопросов, поднятых в ходе волнений ссылнокаторжан и обсуждаемых после их окончания разного рода комиссиями, важное место заняла форма обращения начальствующих лиц к каторжанам на «ты». Инспектировавший Нерчинскую каторгу в 1909 г. иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов «нашел уже большую перемену по сравнению с осмотром его в 1907 г. Но когда он поздоровался в одной из камер на «ты», то отвечено не было, в следующих камерах он здоровался на «вы» и тогда всюду получал ответ» [6, л. 6]. «Ты» или «вы» стали своеобразным индикатором происходящих в местах отбывания наказания перемен. Генерал Г.М.

Косов в 1910 г. доносил: «Когда я был в Зерентуе в августе сего года, то уже видел у политических улучшение манеры держаться, ибо, начав на «вы», я, как бы случайно переходил на «ты» и получал ответы одинаково вежливо. Между тем даже в мае, по рассказу генерала Путилова, на каторге этого не было, когда он, производя дознание по моему указанию, попробовал этот прием, тогда при переходе на «ты» ответы прекращались» [6, л. 6.].

Специально созданная III Государственной Думой комиссия в конце 1910 – начале 1911 гг. обсудила комплекс вопросов, связанных с причинами протестных действий. Прежде всего проанализировали допустимость обращения к арестантам, лишенных всех прав состояния за преступления государственные, на «ты» и пришли к выводу, что такая форма обращения «издавна утвердилась в тюремной практике, и к изменению этого порядка не усматривалось достаточных оснований». Главным аргументом послужил факт участия воинских команд в окарауливании каторжных тюрем, а согласно статье 29 армейского Устава внутренней службы, предусматривалось обращение на «ты» в обращениях начальников к нижним чинам. Поэтому «было бы совершенно непоследовательно вменять в обязанности начальствующим лицам тюремного ведомства обращение к ссыльнокаторжным арестантам на «Вы» и притом в особенности к осужденным за преступления государственные, каковой формы обращения и домогаются преимущественно последние. Установление такого порядка унижало бы достоинство нижних чинов перед преступниками и могло бы вызвать нежелательные осложнения и протест со стороны военного ведомства» [9, л. 18–19].

Тем не менее вопрос об обращении к каторжанам на «ты», так же как формы приветствия их («здорования») и команд «Встать! Смирно!» оставался открытым. Поэтому иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев, ссылаясь на противоречивое толкование их в законах и служебных инструкциях, 18 октября 1912 г. обратился к министру юстиции И.Г. Щегловитову с просьбой дать точное юридическое обоснование о формах обращения к политическим заключенным. С этой целью 12 ноября того же года в Министерстве юстиции собралось специальное межведомственное совещание с участием с участи-

ем прокуроров Петербургской судебной палаты и окружного суда, представителей юрисконсультской части Минюста, МВД, Главного тюремного управления и нескольких губернских тюремных инспекторов, которое постановило, «что при входе начальствующих лиц в камеры, в которых находятся арестанты, осужденные в каторжные работы и приговоренные к отдаче в исправительные арестантские отделения, арестанты должны вставать и перед этим им следует подавать ныне существующую команду: «Встать! Смирно!»; начальствующие лица могут обращаться с приветствием в форме «Здорово!» или «Здравствуйте!», на что арестанты должны отвечать «Здравие желаю/ем» с добавлением титулования по чину или по должности начальствующего лица; при разговоре с арестантом, лишенным прав, надлежит обращаться на «ты»». Совещание высказалось также за сохранение «существующей ныне команды: «Смирно! Шапки снять» при прибытии начальствующих лиц на место наружных работ или прогулки арестантов, когда последние имеют на головах шапки..., а также за обязательность общей молитвы при утренней и вечерней поверках, причем во время их чтения одним из арестантов или пения хором все присутствующие арестанты, какого бы ни были они вероисповедания, должны стоять пристойно». Все это оговаривалось ссылками на военные уставы, поскольку каторжные работы, «имеют оттенок военного строя» и «тюремная стража, воспитанная на воинской дисциплине, несомненно, наиболее успешно действует, применяясь к свойственной ей порядкам военного строя» [13, с. 430–431].

Дополнительным аргументом в пользу сохранения сложившейся системы обращения должностных лиц к политическим заключенным стала отсылка на их низкий образовательный уровень в отличие от их предшественников: декабристов и народников. В духе этого подхода военный губернатор Забайкальской области генерал-майор А.И. Кияшко заявил политическим арестантам Кутомарской тюрьмы в сентябре 1912 г.: «Ознакомившись с их статейными списками, я узнал, что только один из них был в университете, двое были, но не окончили среднее учебное заведение, один бывший ветеринарный фельдшер, остальные все были только в одно- или двухкласс-

ных сельских и городских училищах, а двое даже неграмотными» [4, л. 54].

Противостояние усиливалось благодаря внепартийным объединениям политических в той или иной тюрьме в так называемый «коллектив». «Постановления коллектива передаются начальнику тюрьмы, через него – начальнику каторги и в большинстве случаев исполняются последним, – констатировал начальник Иркутского ГЖУ, полковник М.И. Познанский в 1910 г. – Так, например, коллектив Горно-Зерентуйской тюрьмы нашел необходимым удалить из политической камеры каторжанина Баллота за то, что в разговоре с губернатором Баллот именовал последнего «Ваше Высокоблагородие», что «коллектив» нашел несоответствующим достоинству политического каторжанина. Баллот был тотчас переведен в уголовную камеру. Также был переведен из политической камеры той же тюрьмы по постановлению коллектива каторжанин Афанасьев, за то, что просил губернатора по окончании срока тюремного заключения остаться в Нерчинском районе» [5, л. 536].

О конкретных формах борьбы политических заключенных за свой особый статус можно судить из упомянутых выше объяснений ГТУ (январь 1913 г.). Так, в Кутоморскую каторжную тюрьму их стали переводить с конца 1910 г. и «по отношению к ним с течением времени стали постепенно допускаться отступления в порядке содержания, а именно: обращаясь к общеуголовным арестантам на «ты», при обращении к осужденным за государственные преступления администрация стала употреблять местоимение «вы», отменила при посещении камер, в которых содержались осужденные за государственные преступления, команду «Встать! Смирно!» и т. д.

Назначенный в конце июня 1912 г. начальником места заключения коллежский регистратор Головкин, «решил немедленно применить режим, одинаковый для всех каторжных. Выполнив это без особых затруднений в отношении каторжных, осужденных за общеуголовные преступления..., Головкин решил приступить к тому же по отношению к осужденным за государственные преступления». Он объявил им на вечерней поверке, что в тюрьме будет действовать установленный инструкциями режим, включая «ответ на приветствие «Здо-

рово!»: – «Здравия желаем!» и вставания по команде «Встать! Смирно!». Вместе с тем, Головкин заявил арестантам, что в случае нарушения режима, он будет подвергать их дисциплинарным взысканиям до телесного наказания включительно.

В ответ политические 13 июля начали голодовку, прекращенную 19 июля после распоряжения начальника Нерчинской каторги полковника Забелло о разрешении лимита дополнительной выписки продуктов с 3-х до 4 руб. 20 коп. на человека из личных средств сидельцев. Новый виток конфликта начался после распоряжения неугомонного Головкина, воспрепятствующего носить собственные верхние платья и самовольно отлучаться за ограду тюрьмы. 15 августа ее посетил инспектор ГТУ, действительный статский советник П.И. Сементовский. «При обходе одиночных камер содержащиеся в них каторжные, осужденные за государственные преступления, Мошкин и Михайлов, на предложенный каждому из них инспектором Сементовским вопрос: «Чем занимаешься?» (т. е. какими работами), отвечать отказались. При посещении следующей одиночной камеры и на этот же вопрос каторжный Израиль Брильон, еврей, осужденный за покушение на убийство бывшего могилевского губернатора Клингенберга, по профессии маляр, дерзко ответил: «Сударь, научитесь прежде элементарным правилам вежливости», а затем, когда инспектор П.И. Сементовский и сопровождающие его лица, в том числе областной тюремный инспектор фон Кубе выходили из камеры, громко сказал по адресу уходивших лиц: «Мерзавцы!» По требованию инспектора Брильона «за буйство и подстрекательство к беспорядку» наказали 35 ударами розги. Экзекуция обусловила голодовку 55 политических и самоубийство четырех из них. Прибывшему на место происшествия начальнику Нерчинской каторги заключенный Г. Мейзерович заявил, что «после команды «Встать! Смирно!» он будет садиться, на приветствие «Здорово!» будет отвечать «Здравствуйте», а не «Здравия желаю!»..., Иван Козлов, от своего имени и от имени других каторжных заявил, что требования режима они считают издевательством над ними и никогда исполнять их не будут».

Расследование, предпринятое товарищем прокурора Иркутской судебной палаты и чиновником особых поручений при военном губернаторе Забайкальской области признало дей-

ствия Головкина закономерными и не выходящими за пределы предоставленной ему законом власти. Что касается порки И. Брильона, то она производилась не на дворе, а в тюремном помещении, что не соответствует клеветническому заявлению «с кафедры в общем собрании Государственной думы депутата [А.Ф.] Керенского» [9, л. 21–29].

По аналогичному сценарию развивались события в октябре 1912 г. в Алгачинской тюрьме, начальником которой был назначен коллежский регистратор Адамович. Из находящихся там политических «23 человека подчинились всем требованиям тюремного режима и порядка, а остальные 38 человек не вставали при подаче команды «Встать! Смирно!», не отвечали чинам тюремной администрации при обращении к ним на «ты», а также на приветствие «Здорово!» и проч.». Наиболее дерзкий протестант Б. Бродский «не пожелал снять шапку при встрече с помощником начальника тюрьмы Сутуриным и не ответил на его приветствие», за что был посажен в карцер. За вызывающую позу и пререкания с начальником подвергся наказанию розгами. Несколько заключенных попытались путем принятия отравляющих веществ и кровопускания покончить жизнь самоубийством, но все выжили. Прибывшему в тюрьму начальнику Забайкальской области, генерал-майору А.И. Кияшко арестант Тахчогло заявил: «Мы, социалисты, не признаем обращения на «ты» и приветствия «здорово». Остальные арестанты названной категории совершенно не отвечали на приветствие губернатора или делали это в установленной форме. Исполнять приказания администрации арестанты наотрез отказались». В качестве ответной реакции начальник территории продлил 36 заключенным сроки отбывания каторжных работ, а 20 бессрочникам время пребывания в отряде испытуемых увеличил на два года каждому [9, л. 30, 34].

На какое-то время ситуация с политическими на Нерчинской каторге нормализуется с точки зрения тюремной администрации. Но такой дальновидный администратор, как генерал Г.М. Косов, еще в декабре 1910 г. относительно практики содержания государственных преступников в каторжных тюрьмах предупреждал: «Режим этот должен быть доведен до пределов, указанных законом. С другой стороны, необходимо считаться с обстановкой, которая существует в каждой

тюрьме» [3, л. 9 об]. Расследовавшая протестные акции политических заключенных в Нерчинском каторжном комплексе комиссия IV Государственной Думы в своем отчете, датированном 24 марта 1914 г., признала, что действия администраций Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем, А.И. Кияшко, П.И. Сементовского не во всем были законными и в нормативной базе отечественной тюремной системы имеются существенные противоречия и явные анахронизмы. Обсуждение отчета состоялось на 59-м заседании Думы, и он был принят с поправками редакционной комиссии, представляющей события так, будто бы произошедшие экзекуции политических ссыльнокаторжан на Нерчинской каторге имели случайный и не систематический характер [13, с. 429].

Вскоре началась Первая мировая война, и о каторжных просто забыли.

Список литературы и источников

1. Бодяк М.Г. Проблема кадрового обеспечения тюрем Нерчинской каторги на примере Зерентуйской каторжной тюрьмы // Сибирская ссылка. Иркутск, 2009. Вып. 5 (17).
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. Д. 508.
3. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 560.
4. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4226.
5. ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4578.
6. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 409.
7. Меламед Е.И. Русские университеты Джорджа Кеннана. Иркутск, 1988.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 106.
9. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 733.
10. Степанова Н.Г. Каторга в системе карательной политики российской самодержавия // Сибирская ссылка. Иркутск, 2003. Вып. 2 (14).
11. Тагаров З.Т. Протесты политических каторжан Зерентуйской, Алгачинской и Кутомарской тюрем в 1910–1912 гг. // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1981. Вып. 8.
12. Шиловский М.В. Сибирская политическая каторга начала XX века // Вопросы истории Сибири в новое время. Новосибирск, 2011. Вып. 1.
13. Шиловский М.В. Революционеры на сибирской каторге (1906 – февраль 1917 г.): поведенческие стереотипы и специфика участия в протестных акциях // Сибирская ссылка. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2013. Вып. 7 (19).